

И.Ю. Винокурова

**РОЛЬ ДАЧНИКОВ В СОХРАНЕНИИ
КУЛЬТУРНЫХ ТРАДИЦИЙ
РОДНОЙ ДЕРЕВНИ**

(по результатам полевых исследований вепсов)

Статья посвящена проблеме носителей культурных традиций в современных вепских сельских сообществах. Ее актуальность связана с одним из печальных общероссийских социокультурных процессов нашего времени — исчезновением деревень в результате массовых миграций сельского населения в города. В статье рассматривается группа, которая сельскими жителями именуется «дачниками». К ней относятся уроженцы этих мест, преимущественно пенсионеры, уже давно уехавшие на постоянное место жительства в города, отработавшие там, но приезжающие на лето в родные деревни, а также их дети и внуки. В фокусе исследования — группа дачников родом из вепских деревень Ладва и Вонозеро Ленинградской обл. в контексте их роли в передаче этнокультурных традиций.

Ключевые слова: вепсы, традиции, инновации, деревня, город, дачники.

Irina Yu. Vinokurova

**ROLE OF SUMMER RESIDENTS
IN PRESERVATION
OF CULTURAL TRADITIONS
OF NATIVE VILLAGE**

(by results of expeditional research of Vepsians)

Article is devoted to consideration of rural group which villagers is called as “dachniki”. It includes natives of these places mainly the pensioners who for a long time already have left on a constant residence in cities, but come for the summer in native villages with the children and grandsons. In the article is considered natives from Vepsian villages Ladva and Vozozero of the Leningrad region in a context of their role in preservation of ethnocultural traditions.

Keywords: Vepsians, traditions, innovations, village, city, summer residents.

Как отмечал К.В. Чистов, в России и других зарубежных странах «вся текущая исследовательская работа этнографов так или иначе связана с проблемой традиции» [Чистов 1983: 14]. Сам выдающийся ученый внес огромный вклад в разработку проблемы воспроизведения и актуализации традиции, ее реального пульсирования и реализации. В раскрытии этих процессов он придавал особое значение изучению носителей фольклорных и этнографических знаний, подчеркивал односторонность, по его выражению, «безлюдной» фольклористики и этнографии [Чистов 2000: 13].

Проблеме носителей культурных традиций в современных вепских сельских сообществах посвящена данная статья. Ее актуальность связана с одним из печальных общероссийских социокультурных процессов нашего времени — исчезновением деревень в результате массовых миграций сельского населения в города. Потеря «малой родины» особенно негативно сказывается на развитии малочисленных народов, ведет к утрате их самобытных культурных традиций, родного языка, этнической идентичности. На фоне гибнущих деревень, однако, можно обнаружить явления, приостанавливающие ход этого фатального процесса. Они связаны с дифференциацией сельского населения и образованием инновационных групп — фермеров, дачников. Среди дачников можно выделить две группы. К первой группе относятся приехавшие, то есть не имеющие никакого родства с территорией, где находится их дача. Как правило, они живут обособленно от местного населения, иногда в возведенных «дворцах» за высокими заборами. Их отношения с автохтонными жителями не всегда складываются безупречно — это тема особого исследования. Ко второй группе, которая сельскими жителями также именуется «дачниками», относятся уроженцы этих мест, преимущественно пенсионеры, уже давно уехавшие на постоянное место жительства в города, отработавшие там, но приезжающие на лето в родные деревни, а также их дети и внуки. В статье рассматривается именно такая группа дачников — родом из вепских деревень Ладва и Вонозеро Ленинградской обл. — в контексте их роли в передаче этнокультурных традиций. В исследуемую группу входило 6 человек. Самой старшей была дачница 1920 г.р., самой младшей — ее дочь 1953 г.р. Остальными являлись информанты, родившиеся в конце 1930-х — начале 1940-х годов. Если допустить,

что человек способен довольно хорошо запоминать происходящие события после пяти лет жизни, то в памяти данной группы могли сохраниться воспоминания о состоянии вепсской традиционной культуры периода конца 1920-х — начала 1960-х годов.

Опросы показали, что дачники являются носителями знаний о некоторых вепсских традициях — религиозно-мифологических, обрядовых и праздничных. На срез культурной памяти оказали влияние год рождения человека и возраст, в котором он покинул деревню, период в истории страны. Далее этот слой воспоминаний пополнялся новыми сведениями, полученными как в городе, так и при возвращении на родину во время контактов с односельчанами. В текстах записанных интервью часто встречались сравнения «жизни», обозначенные словами «прежде» (то есть до отъезда информанта в город) и «теперь» (то есть с выходом на пенсию), с начавшейся «дачной» жизнью в родной деревне; упоминания биографических сведений о родственниках и односельчанах, что позволяло определить степень сохранности той или иной культурной традиции.

Главными источниками знаний опрашиваемых являлись личное наблюдение и устная информация, усвоенная от представителей старшего поколения.

Остановлюсь подробнее на первом источнике знаний. Годы рождения наших информантов приходились преимущественно на период яростной борьбы Советского государства с религией. Церкви в Ладве и Вонозере стояли, но уже не действовали. Тем не менее в памяти опрашиваемых сохранились обряды защиты дома с использованием икон и других предметов, связанных с православной религией (пасхальных яиц, свечей), например обходы жилища на восходе солнца в Егорьев день и при тушении пожара. О предметах православного культа в Егорьевском обряде одна из наших информантов, Мария Николаевна Стёпичева, сообщила следующее: *«Тогда кур много держали. Курица яичко на Пасху снесет. Яичко клали за иконку, тогда ведь в красном углу иконки стояли. Это теперь у нас нет. И вот, хозяин с пасхальным яичком обходил дом, с иконкой Егория»* [Винокурова 2014: 66].

По сведениям Марии Николаевны, в каждом доме были иконы, что удивительно при проводимой в стране ожесточенной борьбе

с религиозными пережитками. Без сомнения, народная религиозность скрывалась и сохранялась во внутрисемейной и личной сферах. Кроме того, как отмечали исследователи, в годы Великой Отечественной войны и послевоенный период народная религиозность усилилась. Данные из других российских регионов рисуют нам похожую картину. Так, в Пензенской области в 1960-х годах значительная часть сельского населения (от 63 до 97 %) жила в домах, где имелись иконы [Лебедева 2009: 116].

Мария Николаевна Стёпичева родилась в 1936 г. в с. Вонозеро Лодейнопольского района Ленинградской области. В родном селе она жила безвыездно 18 лет до выхода замуж в 1954 г. Следующее ее место жительства определило занятие мужа — рабочего-лесозаготовителя. Им стало небольшое поселение при лесозаготовительном участке, расположенное недалеко от Вонозера. Через 18 лет в 1972 г. Мария Николаевна вместе с мужем и сыном переехала в Нарву. По словам информанта, несмотря на почти сорокалетнее проживание в городе, с Вонозером она никогда не теряла связи, все отпуска проводила здесь. С выходом на пенсию год жизни Марии Николаевны разделился на два временных периода: «дачный» (с апреля по октябрь) в Вонозере и городской в Нарве (остальные месяцы).

В период жизни в Вонозере до выхода замуж в 1954 г. М.Н. Стёпичева не раз была очевидцем проводов новобранцев в армию. Примечательно, что, несмотря на атеистическую пропаганду, проводы *некрута* включали благословение его родителями. Для благословения новобранца была желательна, по сообщению нашего информанта, «*мужская икона, может, даже Иисуса Христа, он же мужчина*», поскольку уходящий в армию — мужчина. По правилам обряда необходимо было, чтобы сын встал на колени, а родители, положив икону на старинное полотенце и держа ее над его головой, прочитали молитву. В 1950-е годы уже не все родители знали молитвы. По словам Марии Николаевны, «*если знают молитву, так молитву прочитают, а не знают — без молитвы благословляют — и с Богом*» [Винокурова 2014: 68].

В 1950-е годы, несмотря на нищету колхозников Вонозера и Ладвы, получающих за работу трудовни, а не деньги, здесь еще были сильны традиции общинной взаимопомощи. В солдатских проводах, как правило, принимали участие все жители села. По обычаю

Рис. 1. Трифоновы Галина Павловна (1946 г.р.) и Иван Степанович (1940 г.р.) — уроженцы с. Ладва, ныне проживают в Подпорожье. Фото В.Б. Бовина, 2008 г.

общинной взаимопомощи каждый односельчанин должен был принести *некруту* денег на счастье, *«кто сколько может: кто рубль, кто 20 копеек, кто 30, кто сколько»* [Там же: 69]. По словам другого нашего информанта, Ивана Степановича Трифонова, 1940 г.р., — ровесника М.Н. Стёпичевой, но уроженца с. Ладва: *«Каждый руку жал, деньги давали. Деньги обязательно, хоть рубль там. Когда прощаются, уже в руке деньги, это обязательно»*.

Проводы И.С. Трифонова в армию проходили в 1958 г. На деньги, подаренные односельчанами, его сестра купила шкаф, то есть помощь сельчан распространялась на членов семьи, остающихся без кормильца. И.С. Трифонов и его жена Галина Павловна (1946 г.р., родом из этого же села) уже много лет проживают в г. Подпорожье, но на лето приезжают в с. Ладва (рис. 1).

По рассказам информантов, еще в 1950-е годы на призывной пункт новобранцы добирались пешком или на лошади, *«ведь раньше*

Рис. 2. А.И. Васькина (1920 г.р.) с дочерью Р.Ф. Ляшенко (1953 г.р.) и правнучкой — уроженцы с. Ладва, стали жителями г. Пушкина.
Фото М.В. Заозерного, 2008 г.

не было ни машин, ни автобусов». О солдатских проводах в Ладве помнила и Р.В. Ляшенко (1953 г.р.), переехавшая в город после окончания школы, то есть в 1960-е годы они еще проводились.

Во время беседы с Р.В. Ляшенко я спросила об обрядовых кострах, которые молодежь устраивала для сжигания кострики с целью вегетации культуры льна, а позже — развлечения. О таких кострах еще помнили информанты, родившиеся в 1920-е годы. Однако Р.В. Ляшенко об этом обряде уже не имела понятия: костры она связывала с пионерской организацией: *«День пионеров 19 мая прекрасно помню. Идем к речке, жгём костры. Только мы на вепском-то уже не говорили. Пели пионерские песни, как там “Взвейтесь кострами...”»* [ДЗА 2008, № 1/1].

Дачница Роза Васильевна Ляшенко проживает в г. Пушкине. Там проживала и ее мать, Анисья Ивановна Васькина (1920 г.р.), переехавшая в город уже в пожилом возрасте (рис. 2). Роза Васильевна,

помогая нам вести опрос 88-летней Анисьи Ивановны, оказалась вовлеченной в беседу. Проведение опроса, по сути, с представительницами двух поколений отразило умирание некоторых традиций в связи с переездом в города. Анисья Ивановна, несмотря на свой преклонный возраст, еще хорошо помнила практически исчезнувшие кумулятивные сказки и считалки на вепсском языке, некоторые лечебные обряды. Только при произнесении этих текстов матерью некоторые из них вспомнила и дочь, которая слышала их от нее в детстве, но уже не передавала полученные знания своим детям. Присутствовавшая при опросе внучка Розы Васильевны (представительница четвертого поколения) не понимала, о чем мы говорим, так как не знала вепсского языка.

Во вступительном слове на Рябининских чтениях (1999 г.) «Мастер и народная художественная традиция Русского Севера» К.В. Чистов обозначил перед исследователями ряд проблем, связанных с носителями традиций. Например, как развивался процесс обучения традиции, происходила передача «дара» от учителя к ученику, в частности в области врачевания [Чистов 2000: 12]. Исследование группы дачников выявило затухание этой традиции. Приведу такие примеры. Вплоть до конца 1990-х годов в вепсских деревнях можно было найти «знающих» женщин, которые применяли заговоры при лечении некоторых болезней, порчи, отправлении в дорогу. С прекращением занятия магической деятельностью «знающая» обязательно должна была подыскать преемницу — и передать ей свое знание, иначе умирать будет тяжело. К таким «знающим» людям относилась, например, двоюродная тетка Марии Николаевны Степичевой — Анна Петровна Родионова (1915 г.р.). Сакральное знание ей передалось от отца. А.П. Родионова предложила Марии Николаевне стать ее преемницей: «*Теперь нету, говорит, никого, все умираем*» [ДЗА 2011, № 4/7]. Передача заговоров должна была происходить в виде записи их в тетрадь Марией Николаевной под диктовку А.П. Родионовой, которая знала тексты наизусть, и последующего выучивания их преемницей на память: «*Не можешь запомнить, хоть запиши. Вот, она диктовала, а я писала*» [ДЗА 2011, № 4/7]. Однако Мария Николаевна ограничилась лишь их записью: «*Ну а где, я запомню!*» Случай с нашим информантом является примером прекращения заговорной традиции. Эти тексты Мария Нико-

лаевна никогда не применяла, они за ненадобностью не были взяты в Нарву, а остались в отчем доме, и лишь по нашей просьбе тетрадь с трудом была найдена, а тексты прочитаны вслух: записанные неразборчивым почерком, они с тех пор не перечитывались. В тетради содержались записи шести заговоров: от грыжи, думы, *призору* или сглаза, от *волоса*, змеиноного укуса, на счастливый путь [Винокурова 2014: 80–83].

Случай с другим нашим информантом также является примером прекращения заговорной традиции. По воспоминаниям Р.В. Ляшенко, к ее брату, который на пять лет младше нее, приходила подруга матери — бабушка Уля и шептала заговоры от призора и «Заря-заряница». Она советовала девочке: «*Роза, ты запиши и запомни. Тебе это всё пригодится, будешь рожать детей*». Но, по словам Розы Васильевны, «*честно говоря, я куда-то это всё потеряла*» [ДЗА 2008, № 1/22].

Как можно видеть, извлеченные из воспоминаний наших информантов сведения о культурных традициях хранятся в их «библиотеках человеческого разума» (по определению Л. Хонко) в состоянии ожидания быть когда-либо задействованными и всегда в опасности быть забытыми из-за отсутствия назначения [Honko 1988: 10].

Возвращаясь летом в родную деревню, дачники, как правило, начинают жить по законам своей «малой родины». Особенно хорошо это заметно на примере похоронно-поминальной обрядности, которая в общих чертах не меняется.

В похоронах участвует вся деревня. Несмотря на присутствие на похоронах дачников и родственников умершего, приехавших из городов, в Вонозере и Ладве тем не менее устойчиво сохраняются некоторые похоронно-поминальные традиции, которые часто невозможно соблюдать в городах: исполнение причитаний при наличии в деревне плакальщиц; погребение до полудня, которое не всегда можно увязать с интенсивной работой городского траурного зала и организацией поминальной трапезы в кафе; устройство бани в день похорон и накануне сорокового дня. В Вонозере и Ладве по возвращении с кладбища после похорон родственники идут в баню. Накануне сорокового дня вечером тоже устраивается баня. Сначала в ней моются родственники, а затем она предназначается для умер-

шего: туда для него относят чистую одежду, наливают в таз воды, кладут веник.

При посещении деревенского кладбища дачники следуют местным традициям: подходя к могиле родственника или односельчанина, высыпают рядом с ней пшено для птиц. Установка оград вокруг могил связана с городским влиянием. На больших городских кладбищах ограды актуальны, так как с их помощью, если можно так выразиться, «отвоевывается» территория для умершего и его родственников, которые хотят в дальнейшем быть похороненными рядом. В Вонозере, Ладве и других вепских деревнях пожилые жители отрицательно относятся к оградам. Такое же мнение нам приходилось слышать и от дачников. По словам Марии Николаевны Степичевой, *«он как в загородке. Если в загородке, то он не приходит»* [ДЗА 2011, № 4/22]. В Вонозере и Ладве ограды не ставят.

Судя по многим интервью, дачники выражают желание быть похороненными на родной земле. Так получилось, что в августе 2008 г., через неделю после нашей беседы, по возвращении из Ладвы в Пушкин, немного не доехав до дома, скончалась А.И. Васькина. Хоронить ее родственники повезли обратно в родную деревню, руководствуясь в данном случае отнюдь не прагматичными соображениями. Муж Марии Николаевны Стёпичевой был русский, умер в апреле 2009 г. в Вонозере, похоронен не в Нарве, а в Тервиничах (на кладбище, где хоронят жителей его деревни) рядом с матерью и племянниками. При обсуждении вопроса, где быть похороненным, он вопреки просьбе жены в будущем лежать вместе на кладбище в Вонозере выбрал Тервиничи, мотивировав свой отказ иной этнической принадлежностью и незнанием вепского языка: *«Не хотел к нам кайванам. Говорит: “Будут говорить по-своему, а я ничего не понимаю”»* [ДЗА 2011, № 4/22].

Дачники активно участвуют в знаменательных событиях «малой родины» — традиционных и фольклорных праздниках, выступлениях самодеятельных коллективов. Поэтому функционирующие традиционные и фольклорные праздники — это преимущественно летние праздники, когда вепские деревни оживают в результате приезда дачников. Так, с 1993 г. в Вонозере и Тервиничах в первое воскресенье июля ежегодно проводится праздник вепской куль-

туры «Энаръне ма» («Вонозерская земля»). На нем выступают как гости праздника, так и вонозерский фольклорный коллектив, активной участницей которого является Мария Николаевна Стёпичева. В репертуар коллектива входит исполнение частушек на вепском языке и вепской кадрили. Наряду с текстами заговоров у Марии Николаевны хранится тетрадь с записями частушек. Судя по интервью с ней, гастроли вонозерского фольклорного коллектива заняли важное место в ее жизни [ДЗА 2011, № 3/16].

В дискурсе о малой родине тема помощи родной деревне более заметна у дачников, по сравнению с постоянными жителями. Данный факт свидетельствует о том, что длительное проживание в городе уроженцев села способствовало появлению у них социальной мобильности и обострению ностальгических чувств. Так, И.С. Трифонов, будучи депутатом Подпорожского р-на, всегда старался привезти в Ладву районное начальство, чтобы обратить внимание властей на нужды родной деревни: «Я был здесь депутатом, районное начальство, вот, по 15 человек со службы привезу сюда. Я говорю: “Люди, вы начните только, я поддержу и выступлю”» [ДЗА 2008, № 4/1]. Его организаторские способности пригодились и при благоустройстве Ладвинского кладбища и часовни.

Еще одна позитивная роль дачников на родной земле — материальная и физическая помощь в строительстве часовен. В деревнях Юбеничи (рис. 3) и Сарозеро, например, полностью превратившихся в дачные поселения, построены часовни.

Итак, выбор группы дачников в качестве объекта исследования, опросы представителей разных поколений позволили выявить содержание некоторых традиций и новаций в вепской деревне начиная с конца 1920-х годов и до настоящего времени, особые формы их трансмиссии и сохранения при участии данной группы. На Рябининских чтениях (1999 г.) К.В. Чистов высказал такое мнение о носителях традиции: «Нашим информантам еще есть что поведать нам, еще кое-что можно увидеть, больше услышать в воспоминаниях, но, конечно, невозможно не иметь в виду, что это главным образом фрагменты некогда целостной культуры органического свойства» [Чистов 2000: 9]. Мнение К.В. Чистова, высказанное более 15 лет назад, пока остается в силе и применимо к рассмотренной в статье группе дачников.

Рис. 3. Часовня в д. Юбеничи Подпорожского р-на Ленинградской обл.
Фото И.Ю. Винокуровой, 2010 г.

Источники

ДЗА 2008 — Диктофонные записи автора, сделанные в 2008 г. в с. Ладва Подпорожского р-на Ленинградской обл. (указываются две цифры: № касеты и порядковый номер описи), информанты А.И. Васькина и Р.В. Ляшенко (№ 1), И.С. и Г.П. Трифионовы (№ 3, 4).

ДЗА 2011 — Диктофонные записи автора, сделанные в 2011 г. в с. Вонозеро Лодейнопольского р-на Ленинградской обл., информант М.А. Стёпичева (№ 3, 4).

Библиография

Винокурова И.Ю. Полевые материалы о динамике этнокультурных традиций вепсского села Вонозеро (на примере исследования одной биографии) // Истоки Карелии: границы, время, народы. Петрозаводск: КарНЦ РАН, 2014. С. 55–90.

Лебедева Л.В. Повседневная жизнь пензенской деревни в 1920-е годы: традиции и перемены. М.: Российская политическая энциклопедия (РОС-СПЭН), 2009. 183 с.

Чистов К.В. Традиции и вариативность // Советская этнография. 1983. № 2. С. 14–22.

Чистов К.В. Мастер в народной художественной культуре Русского Севера (вступительное слово) // Мастер и народная художественная традиция Русского Севера. Петрозаводск: КарНЦ РАН, 2000. С. 7–15.

Honko L. Studies on tradition and cultural identity. An introduction // Tradition and Cultural Identity. NIF Publications No. 20. Turku: Nordic Institute of Folklore & Uppsala: Almqvist & Wiksell Tryckeri, 1988. S. 7–26.

References

Vinokurova I.Yu. Polevyie materialyi o dinamike etnokulturnyih traditsiy vepsskogo sela Vonozero (na primere issledovaniya odnoy biografii). Istoki Karelii: granitsyi, vremya, narodyi. Petrozavodsk: KarNTs RAN, 2014. Pp. 55–90.

Lebedeva L.V. Povsednevnyaya zhizn penzenskoy derevni v 1920-e godyi: traditsii i peremenyi. Moscow: Rossiyskaya politicheskaya entsiklopediya (ROSSPEN), 2009. 183 p.

Chistov K.V. Traditsii i variativnost. Sovetskaya etnografiya. 1983. no. 2. Pp. 14–22.

Chistov K.V. Master v narodnoy hudozhestvennoy kulture Russkogo Severa (vstupitelnoe slovo). Master i narodnaya hudozhestvennaya traditsiya Russkogo Severa. Petrozavodsk: KarNTs RAN, 2000. Pp. 7–15

Honko L. Studies on tradition and cultural identity. An introduction. Tradition and Cultural Identity. NIF Publications No. 20. Turku: Nordic Institute of Folklore & Uppsala: Almqvist & Wiksell Tryckeri, 1988. Pp. 7–26.